



Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Т. Ю. Сидорина

Социальная политика в обществе вертикального контракта

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sidorina_soz.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

Социальная политика в обществе вертикального контракта¹

Т.Ю. СИДОРИНА

В этом номере журнала мы публикуем статью Т.Ю. Сидориной и размышления по поводу данной статьи С.Н. Смирнова (авторов учебного пособия «Социальная политика» (М.: ГУ-ВШЭ, 2004), посвященные вопросам эффективности проводимых в России социальных реформ, формирования многосубъектной социальной политики в условиях усиления влияния государства в социальной сфере, перспективам развития социальной политики, а также роли и возможностям отдельного человека, рядового россиянина, участвовать в решении социальных проблем.

Есть ли путь от патернализма к либерализму?

Центральный вопрос данной статьи – характер проводимой в России социальной политики. В конце XX столетия Россия оказалась в довольно сложной ситуации – ситуации перехода от патернализма в области решения социальных проблем к некоей новой парадигме – имеющей в своей основе рыночные принципы и механизмы распределения. Как преодолеть этот путь – от социализма к рынку? Конкретные рекомендации отсутствовали: западная традиция в течение столетий обогащалась опытом демократического правления, функционирования институтов гражданского общества, предпринимательства – у России подобного опыта практически не было, скорее наоборот. При этом открывшаяся перспектива построения перехода к капитализму со всеми его атрибутами (рыночными и демократическими) представлялась настолько заманчивой, что хотелось обрести это сразу или как можно быстрее. «Когда проводились реформы по либерализации экономики, более 90% людей кричали: “Ура! В Европу!” – пишет О.И. Шкаратан. – Проводились эти реформы по одним и тем же лекалам во всех посткоммунистических странах, за исключением Китая. Итог получился разный. Для России этот итог плачевен...

В начале 1980-х годов мы (все те, кто стремился реформировать Россию) были убеждены в необходимости реформ. Мы полагали, что даже опаздываем с начинаниями с точки зрения глобального развития, а оказалось, что большинст-

¹ Статья написана по результатам исследования, выполненного на средства Научного фонда ГУ ВШЭ (грант № 06-01-0111).

во населения совсем не стремилось к этим крупным преобразованиям. Мы принимали недовольство уровнем и качеством жизни у большинства за готовность к коренным переменам» [Государство и общество... 2006, с. 82–83].

Говорят – на ошибках учатся! Тем не менее известно, что чужие ошибки еще никого ничему не научили. Россия уже пережила опыт построения коммунизма в отдельно взятой стране. Теперь в конце XX в. была предпринята попытка построить либерализм. Причем построить в кратчайшие сроки и с «ускорением».

Р.Х. Симонян подводит итоги этого ускорения: «Если в Латвии, Литве и Эстонии приватизация шла 10–12 лет, то в России она продолжалась 2,5–3 года. Е. Гайдар в своей весьма откровенной книге “Государство и эволюция” пишет, что приватизацию в России нужно было делать “срочно”. Но в тексте вы не найдете ни одного аргумента, объясняющего эту срочность» [Там же, с. 89].

Возможен ли, оправдан ли был для России столь быстрый переход от патернализма в области социальной политики к либерализму в том виде, в котором его пытались построить в начале 1990-х годов? Те ли модели были выбраны в качестве приоритетных? Р. Макинтайр в статье «Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов» (2002) обосновывает необходимость усиления роли государства в социальной политике стран с переходной экономикой. Ученый отмечает, что минимизация этой роли была характерной чертой экономической политики в странах с переходной экономикой. Многие страны в последние годы пытались ориентироваться на модели Западной Европы и Северной Америки. Но на деле оказывалось, что не было ни административного аппарата, ни опыта для реализации этих моделей. Как показала практика, комплексные системы социальной защиты (основанные на моделях Бисмарка и Бевериджа), которые появились в Западной Европе и Северной Америке в середине XX столетия, были плохо приспособлены к гибкому неформальному рынку труда, возникающему в странах с переходной экономикой» [Макинтайр 2002].

Так или иначе, но Россия пошла по пути либеральных реформ. Можно выдвигать разные версии обоснования проявленной поспешности либерального перехода. Среди плачевных результатов этой поспешности:

- катастрофическое опоздание в области решения социальных проблем (в том числе с разработкой социальной политики),
- дискредитация либеральных ценностей,
- дискредитация социальных реформ.

«Но главные потери были не в экономической, а в политической и нравственной сфере, – отмечает Симонян. – Реформы 1990-х годов дискредитировали понятие демократии в массовом сознании россиян и спровоцировали авторитарные тенденции в управлении страной, деморализовали общество» [Государство и общество... 2006, с. 89].

В чем виноват либерализм?

Я бы хотела сделать небольшое отступление в область истории вопроса, предпринять попытку оправдания либерализма, который в России последнего десяти-

тилетия рассматривают исключительно в негативном смысле, обвиняют во всех возможных грехах. Либерал в понимании россиянина – это практически «враг народа».

В истории человечества сложилось множество так называемых мифологем. Их значительная часть сформировалась вокруг знаменитых лозунгов Великой французской революции: «*Liberté, égalité, fraternité*». Объединенные здесь понятия «свобода» и «равенство» оказались политически разнонаправленными, обусловив будущее развитие либерализма, эгалитаризма, консерватизма и пр.

Само понятие «либерализм», от латинского «*liber*», что означает «свободный», изначально относилось к философии свободы. Философы, социологи и экономисты XVIII и первой половины XIX столетия сформулировали политическую программу, которая легла в основу социальной политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и, наконец, в других частях населенного мира.

Свобода – первый лозунг французских революционеров. Это символ реформирующегося общества, свобода от средневековых догматов веры, от абсолютистского государства, свобода предпринимательства, свобода рыночных отношений, торговли, научных исследований, творчества, политического выбора и т. д.

Можно спросить, почему лишь во второй половине второго тысячелетия человечество предприняло столь решительный поход за «свободой». Человечество всегда было свободолюбивым, так же как и склонным к покорности. Следствием этого стало появление и распространение в мире двух разнонаправленных идеологий – либерализма и консерватизма. Однако более десяти столетий Средневековья не могли не вызвать столь же мощной ответной реакции, вылившейся во все возможные проявления именно либерализма как освобождения.

Что же касается равенства, то здесь ситуация неоднозначная. О каком равенстве идет речь? Равенстве кого, чего и в чем? Если имеется в виду равенство распределения, то это идеологическая и концептуальная основа эгалитаризма и его наиболее развитой формы – марксизма. Безусловно, либерализм несовместим с такой трактовкой понятия «равенство». С либерализмом сочетается не равенство распределения, а равенство возможностей. Все равны как граждане правового представительного государства, все имеют равные права и возможности для реализации своих способностей. Государство – необходимое зло, «ночной сторож», оно не ограничивает возможности своих граждан, но и не опекает их, что предполагается в случае авторитарного правления с тенденцией эгалитарного распределения. В условиях либерализма человек, претендуя на самостоятельность и невмешательство со стороны государства, получает свободу деятельности, но он же и должен отвечать за результаты этой деятельности и обеспечивать ее успешность, государство не довлеет над человеком, оно предоставляет ему свободу победить или проиграть в борьбе с действительностью. Но есть и другой вариант – «уравниловка» в условиях государственной опеки. Правда, как показывает история, люди не выбирают эгалитарное (и как его неизбежное условие – тоталитарное) правление, оно устанавливается сверху в тех странах, где есть условия для его установления.

В работе «Антикапиталистическая ментальность» крупнейший идеолог экономического либерализма Л. фон Мизес размышляет о равенстве прав человека как основании справедливого распределения: «Одно из любимых занятий человечества – рассуждать о том, как должен быть устроен мир, почему жизнь такова, какова она есть, какую она должна быть в идеале и т. д. Пока это только фантазии, они безобидны и не стоят особого внимания и не должны вызывать беспокойство. Но совсем иное дело, когда люди перестают понимать разницу между фантазией и реальностью, это уже становится опасно.

Самое вредное из подобных заблуждений – иллюзия о том, что “природа” наделила каждого человека определенными правами. По этому учению природа – доброжелательна и щедра к любому, родившемуся на свет. Всем достаточно всего. Следовательно, у каждого есть неотъемлемое право требовать от ближнего и от общества всю свою долю, предназначенную ему природой. Вечные законы естественной и божественной справедливости требуют, чтобы никто не присваивал себе того, что по праву принадлежит другому. Бедные впадают в жалкое существование лишь потому, что несправедливые люди лишили их всех благ, предназначенных им по рождению. Задачи церковных и светских властей – не допустить подобного грабежа и, таким образом, сделать всех богатыми и счастливыми» [Мизес 1993, с. 210–211].

Мизес полагает, что эта теория неверна от начала и до конца: «Природа отнюдь не раздает свои блага направо и налево, она, наоборот, очень скупа. Она ограничила количество всего необходимого для поддержания человеческой жизни. Она населила Землю животными и растениями, у которых стремление наносить вред человеческой жизни и здоровью является врожденным. Она имеет в своем распоряжении силы и стихии, опасные для человека. Только благодаря своему умению использовать основное орудие, данное ему природой, т. е. разум, человек смог выжить и добиться благосостояния.

Богатство, которое фантазеры-романтики считают бесплатным даром природы, в действительности завоевано людьми, сотрудничающими в общей системе разделения труда. Что же касается распределения этого богатства, нелепо было бы ссылаться на какой-либо божественный или природный принцип справедливости. Дело здесь не сводится к распределению доли из общего фонда, предоставляемого человеку природой. Скорее речь идет о том, чтобы развивать те социальные институты, которые позволяют продолжать и расширять производство всего необходимого человеку» [Там же, с. 211].

Вернемся к понятию «либерализм». Так сложилось, что полностью программа, положенная политиками, экономистами, социологами в основу социальной и экономической политики нового рыночного государства, не была осуществлена нигде. Даже в Англии, которую называли родиной и образцом либерализма, сторонники либеральной политики так и не смогли осуществить всех своих требований. В одних странах принимались лишь отдельные части либеральной программы, тогда как в других – не менее важные ее части либо изначально отвергались, либо были отброшены через непродолжительное время [Мизес 1985].

За прошедшие столетия либерализм серьезно эволюционировал. Изменялось содержание и понимание либеральной доктрины, отношение к либерализму, сам смысл этого термина и соответствующей ему идеологии.

Один из этапов развития либерализма – период увлечения идеей о невмешательстве государства, период господства теории «laissez-faire», период увлечения социал-дарвинистскими теориями в объяснении причин возрастающей бедности европейского населения и поиске решения этой социальной проблемы.

Действительно, история узнала волчий оскал либерализма, когда в условиях резко и казалось неотвратимо возрастающей бедности европейские государства (и прежде всего Великобритания) пытались решить эту сложнейшую социальную проблему, применяя разные стратегии – от закона Спинхемленда (1795 г.) с его «правом на жизнь» до принятия Закона о бедных 1834 г., закреплявшего введение рабочих домов для нежелающих самостоятельно трудоустроиться, и отказа от государственной поддержки нуждавшихся с акцентом на индивидуальную ответственность бедняка за свою бедность.

Результатом этих процессов (как в социальной, так и в экономической сферах) стал кризис либерализма, экономическая депрессия. Но либерализм выжил – свидетельством нового пришествия либерализма стал Новый курс. А затем кейнсианство, период увлеченности этатизмом, и опять поворот спирали – неолиберализм лондонской, фрайбургской, чикагской школ с тенденцией равновесия горизонтального и вертикального контракта, сильным гражданским обществом и значительным государственным вмешательством в решение социальных и экономических вопросов.

Экономисты, историки, социологи, политики, правоведы до сих пор пытаются понять загадку популярности либерализма, почему именно эта идеология так повлияла на облик современной Европы, политические, социальные, экономические процессы, проходившие на Западе. Либерализм – это символ вечного изменения, поиска новых, альтернативных путей развития, обновления и инноваций в самых разных сферах существования и деятельности человека.

При сравнении России и стран Запада необходимо учитывать то принципиальное отличие, что наша страна изначально развивалась и все еще развивается в рамках вторичной, догоняющей модели [Гражданское общество... 1998, с. 9]. Это означает, что простой и непосредственный перенос на российскую почву либеральной модели рыночной экономики и социальной политики не мог быть осуществлен без негативных последствий как для страны, так и для либерализма.

Так кто же виноват? Один из ответчиков – либерализм. Как только не казнили, в чем только не обвиняли, какими эпитетами не награждали его российские СМИ: номенклатурный, волчий и т. д. «Хороший либерализм – мертвый либерализм», – заявляли коммунисты. Было ли все это действительно либерализмом? За десять лет перед нами пронеслась история пришествия, внедрения, кризиса и капитуляции российской версии либерализма [Ходорковский 2004]. И вот что опять же вызывает недоумение: либерализм во всех его проявлениях – естественный результат западноевропейской истории, Россия же, постоянно размышляя об особом российском пути, сначала выбирает коммунистическую парадигму – также произведенную на Западе, а в конце XX в. пытается культивировать другую западную доктрину – либерализм. Что это – политическая несостоятельность?

Зависимость от предшествовавшего развития

До сих пор в массовом сознании россиян господствует убеждение, что государству принадлежит вся полнота власти (законодательная и исполнительная), что в его компетенцию входят все аспекты жизни населения страны, что оно распоряжается всеми общественными институтами. Отсюда отсутствие потребностей в систематической оценке социальных и профессиональных рисков для различных категорий трудящихся, проведении актуарных расчетов для определения страховых взносов, развитии инфраструктуры медицинской, социальной, профессиональной реабилитации населения, служб установления нуждаемости населения в социальной помощи и т. д.

Налицо противоречие изначальных установок и реальных результатов. Отсутствие обратной связи с прямыми объектами проводимой социальной политики, инициативы, активного участия общества в реформировании, затянувшаяся и объективно неизбежная социальная инертность (выражающаяся в сложившейся психологии иждивенчества по отношению к государству) привели к тому, что существовавшая система социальных гарантий, льгот и выплат представляла собой неупорядоченную совокупность законодательных норм, которая не отвечала потребностям нынешней социальной ситуации, во многом продолжая традиции социалистической модели распределительных отношений.

Анализируя ситуацию в области социальной политики в России, В.Б. Пастухов пишет, что проводимые в России социальные реформы – лишь имитация социального реформирования: «Общество ждет перемен в социальном секторе, но оно ждет не таких перемен, которые начались» [Пастухов 2006, с. 51].

Полагаю, что это суждение может иметь несколько толкований, в том числе и такое, что общество если и ждет перемен в социальном секторе, то, очевидно, перемен нерыночного характера. По мнению В.Л. Римского, в сознании россиян «нередко ожидания от социальной политики формируют мифологические представления о ней и о возможностях государства в реализации социальной справедливости, законности, прав и свобод граждан, общественно значимых ценностей и идеалов. Вряд ли следует рассматривать такого рода мифы как сравнительно легко ликвидируемые разъяснения нерациональности общественного сознания. Для разработки и реализации эффективной социальной политики, по-видимому, правильнее считать эти мифы достаточно существенными ограничениями социальной политики. А потому социальная политика должна включать и специальные мероприятия по изменению массового сознания как не менее значимые, чем, например, планирование социальных расходов государственного бюджета» [Римский 2006, с. 96].

В последние годы активно обсуждается применимость к России институциональной теории *path dependence* (зависимости от предшествовавшего развития). Именно в отношении социальной политики патерналистского государства Россия в течение веков демонстрирует завидную устойчивость и склонность к смирению (при условии обеспечения минимальных стандартов проживания, удовлетворения минимальных жизненных потребностей).

Совершенно очевидна неспособность значительной части людей, родившихся и сформировавшихся в эпоху СССР, осуществлять индивидуальную социальную политику. Это одна из трагических сторон капиталистического перехода России. Однако, как я полагаю, в настоящее время (через 20 лет после начала «перестройки») ситуация повторяется. Поколение, родившееся в постсоветское время, остается «советским» в понимании социальных обязательств государства. Родители, не способные самостоятельно решить свои социальные проблемы, передают подобную неспособность и ожидания патерналистской опеки детям, родившимся в государстве с рыночной экономикой. Осмелюсь утверждать, что во многих рядовых российских семьях ничего рыночного не произошло. На протяжении ряда лет довольно активно эксплуатировалось понятие «стартовый капитал» как необходимое условие для организации бизнеса. Так вот, стартовый капитал требуется не только для предпринимательской деятельности, но и для участия, вовлеченности в жизнь, основанную на рыночных принципах. Конечно, огромное число россиян оказалось без работы и вынуждено было включиться в отношения на рынке труда. Однако, полагаю, что весьма значительное число, ограниченное мизерной заработной платой, предоставляемой бюджетным финансированием, просто не смогло ощутить на себе «удовольствия», предоставляемые рыночной экономикой. И несмотря на то, что в России активно идет процесс перехода к платному образованию, платной медицине, приобретению платного жилья и пр., значительная часть населения не может примириться с этими процессами и не может активно участвовать в них. Подрастающее поколение, постигая мир глазами родителей, существуя в том же финансовом регистре стратификационной системы, все так же продолжает ждать от государства решения собственных социальных проблем, будучи неспособным решить их самостоятельно. И будет передавать это миропонимание далее своим детям...

Таким образом, мы сталкиваемся с феноменом двойной, тройной, n-ной зависимости, которая, повторяясь раз за разом, накладывается на предыдущий опыт, чем дальше, тем прочнее закрепляя его.

Остается надеяться, что постепенно часть перестроившихся к жизни в условиях рынка превысит число неспособных этого сделать. Однако, как показывает история, зависимость от предшествовавшего развития – упрямая вещь, и не окажется ли перевес перестроившихся над неспособными результатом массовой деградации и вымирания? Какой же тогда будет численность населения России?

Далеко ли до социального государства?

В СССР ситуация в социальной сфере внешне выглядела вполне пристойно. Патерналистское авторитарное государство опиралось на стройную систему гарантий (принимая во внимание их низкий уровень). С переходом к новым экономическим отношениям в социальной сфере происходят серьезные изменения. Конституцией 1993 г. Россия была провозглашена социальным государством.

Перечень государственных социальных обязательств в Конституции Российской Федерации, где в ст. 7 декларируется статус «социального государст-

ва» и цель его политики – «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», чрезвычайно широк. В этой же статье приводится укрупненный перечень социальных обязательств государства («охраняется труд и здоровье людей, устанавливается минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»), а в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» этот укрупненный перечень многократно дробится и конкретизируется.

Подобного массива и перечня социальных обязательств государства нет ни в одной из известных нам конституций других стран (См.: [Лексин 2005, с. 43]).

Основные принципы, определившие содержание понятия «социальное государство», сформулированы в ряде документов, признанных мировым сообществом и Россией. Это Всеобщая декларация прав человека ООН (1948); конвенции и рекомендации Международной организации труда; декларация и программа действий, принятые на Копенгагенском социальном саммите в 1995 г. [Роик 1996].

Базовые функции социального государства включают формирование гражданского общества, т. е. создание в обществе и хозяйстве множества как государственных, так и негосударственных (общественных) субъектов. Это связано с природой социального государства, основными принципами которого являются: приоритет прав человека и его основных свобод; солидарность²; оптимальная поддержка (субсидиарность). Высшая цель и смысл существования государства – создание условий для мира и согласия в обществе, развитие институтов социального партнерства, гарантированное упорядочение всего пространства защиты от социальных и профессиональных рисков [Там же].

Насколько близка Россия к этой идеальной модели?

На протяжении десятилетий Россия в облике СССР декларировала себя как социалистическое государство. Важно, что черты социального государства, закреплённые в принятых международным сообществом документах, практически повторяют основные «заповеди» советского социалистического государства: защита прав и свобод человека; право на труд, отдых и обеспечение в старости как гарантия защиты от социальных и профессиональных рисков; создание условий для мира и согласия в обществе; солидарность; социальное партнерство (нерушимый тройственный союз администрации, парткома и профкома) и т. д.

Об этом мы читали на первых полосах советских газет, смотрели и слышали по телевидению и радио, этому учили в средней школе, закрепляли на комсомольских и партийных собраниях. Но все это на деле было лишь декларацией. Поэтому сегодня «заповеди» социалистического государства дискредитированы. Никто в России уже не верит в солидарность братских народов, рабочих и

² Считается, что любое общество и его члены взаимосвязаны и отвечают друг за друга. Типичные угрозы (социальные риски) жизнедеятельности населения целесообразно решать организованными сообществами (ассоциациями, союзами, товариществами) при правовой, организационной и экономической поддержке государства.

крестьян и пр., никто не верит в права и свободы, не понимает, что означает социальное партнерство, защита от рисков. Все это, скорее, воспринимается как насмешка или пустые слова, не подкрепленные обязательствами, да и сами слова о неких обязательствах также не принимаются всерьез. Единственное, что воспринимается всерьез – это память о гарантированном в СССР пенсионном обеспечении, бесплатной медицине, бесплатном образовании, дешевом транспорте, профсоюзных путевках на время отпуска.

Близость понятий «социальное» и «социалистическое» на самом деле обманчива, несмотря на общую этимологию.

По мнению В.Б. Пастухова, «истинный смысл слова “социалистический” в русском контексте – “патриархальный”. Социальная система России продолжает строиться на патриархальных принципах. Россияне привыкли быть пассивными получателями социальных услуг, предоставляемых государством. Они не приучены рассматривать заботу о своем здоровье, об обучении своих детей, о размере своей пенсии как о чем-то, чем они должны заниматься лично и ответственно в течение всей своей жизни, выбирая, принимая на себя обязанности и неся индивидуальную ответственность. Тем более они не приучены к тому, что объем этих благ и услуг у каждого может быть очень разным. Для начала в России нет главного – морально-психологических предпосылок для современной социальной политики, рациональной по своей природе, рассчитанной на активное участие личности в своей собственной судьбе» [Пастухов 2006, с. 51].

В.Н. Лексин пишет, что «между социалистическим и социальным государствами больше различий, чем общего, и грань между этими типами государств проходит по нулевому меридиану равенства – ключевого понятия всех социалистических учений» [Лексин 2005, с. 44]. Социалистическая государственная доктрина признает социальное неравенство вредным, считает его продуктом противоестественных общественных отношений, причиной всех пороков и уже поэтому принципиально недопустимым. Социальная государственная доктрина считает неравенство нежелательным для индивидуума, но естественным, вполне приемлемым для общества результатом человеческой конкуренции или ни от кого не зависящим стечением обстоятельств (один – наследник большого имущества, другой – наследник всех неудач своих родителей, один умен от рождения, другой умственно отсталый и т. д.). Отсюда разница целей и методов борьбы с социальным неравенством.

Социальное государство стимулирует экономическую (и социальную) самодостаточность индивида, изымает сверхприбыли и обращает их в общественные фонды, финансово поддерживает неспособных к конкурентной самореализации (в том числе поощряя благотворительность) и делает все это с единственной целью достижения социального мира. Социалистическое государство пытается административно изжить причины (и самих носителей) неравенства, не допуская заметного обогащения одних и «тунеядства» других для достижения социального равенства. Социальный мир или социальное равенство – вот, по нашему мнению, главное различие в целях социального и социалистического государства» [Там же].

Среди основных черт социальной политики социального государства – принцип субсидиарности. Государство помогает своим членам в определенных рамках, делая акцент на развитии самостоятельной активности индивида и свободных ассоциаций людей. Принцип субсидиарности – атрибут либеральной традиции, не приемлемый в условиях тоталитарного социалистического государства. Субсидиарность предполагает развитые рыночные отношения в условиях экономического роста, гарантии и поддержку предпринимательской деятельности и т. д. Безусловно, в трактовке субсидиарности может быть сделан акцент именно на помощи в определенных рамках, т. е. в пределах возможностей государства. Но это уже не будет характеристикой социального государства как результата развития государства правового, демократического и представительного. Субсидиарность в социальном государстве – это стратегия социальной поддержки в условиях обеспечения самостоятельности и личной ответственности гражданина, принцип функционирования либерального демократического государства, но при условии соблюдения всех остальных базовых принципов такого государства.

Провозглашение России социальным государством в Конституции 1993 г. обсуждалось широко и подробно. Однако Россия, несмотря на шквал критики, не отказывается от провозглашенного статуса и все так же упорно идет путем формирования социальной политики государства с рыночной экономикой, хотя это далеко не одно и то же. Все, что сейчас происходит в России в социальной сфере: пересмотр социальных обязательств государства, принятие жилищно-коммунального, трудового и семейного кодексов, «монетизация льгот» и все остальные действия в области социальной политики – означают следующее: страна становится на путь реформирования социальной сферы в соответствии с известными моделями социальной политики на Западе, ни на йоту продвинувшись в направлении формирования социального государства.

Вопрос о готовности россиян к проведению подобного реформирования до сих пор остается открытым, также как и вопрос о реальном воплощении принципов социального государства: защита прав и свобод человека, создание условий для мира и согласия в обществе, защита от социальных и профессиональных рисков и пр. Все это необходимые элементы социального государства и прежде всего наличия в стране гражданского общества и горизонтально-го социального контракта.

Приоритеты вертикального контракта

Социальная политика современного демократического государства, государства с рыночной экономикой – это элемент социального контракта. Вопрос о социальном контракте в России также относится к числу открытых. Объявленные в начале реформ ценности демократии, либеральной традиции, такие как гражданское общество, социальное государство и прочее, сейчас воспринимаются как поспешная дань времени, преждевременные ожидания и обещания передовой части населения России.

А.А. Аузан утверждает, что «общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор. По крайней мере потому, что гражд-

данское общество – это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле гражданское общество – это модель договора» [Аузан 2005, с. 7].

Я бы не стала отождествлять понятия общественного договора и гражданского общества. Наличие общественного договора отнюдь не везде и не всегда обозначает наличие гражданского общества. В этой связи можно говорить о двух моделях общественного договора: вертикальном и горизонтальном договоре.

Там, где гражданское общество оказалось сильнее, возникла горизонтальная модель общественного договора. Общество распространяло свое устройство на свои же отношения с властью и на отношения предпринимательской деятельности с властью. Там, где гражданское общество оказалось слабее, государство распространило свой принцип иерархии на отношения с экономикой и с обществом.

Что же касается России, то в ней регулярно воспроизводилась структура вертикального контракта. Сказываются так называемые ошибки первоначального институционального выбора. Ошибки, сделанные когда-то, много веков тому назад, воспроизводятся и сказываются в последующем.

Одна из точек неправильного институционального выбора лежит примерно в XV – начале XVI в. Тогда в России по ряду причин практически не было коммунальных республик, купеческих республик, а немногие наличествовавшие были задавлены московской властью и т. д.

Согласно Аузану, формирование социального контракта в его горизонтальной демократической парадигме в России не состоялось. И сейчас идет интенсивная регенерация привычного для России вертикального договора. Причем это проявляется не только в действиях власти, но и в отношении групп населения к этим действиям. Что бы ни делалось, страна не восстает и не отказывается жить и работать с имеющейся властью. Хотя в начале 2005 г. попытки были. И власть латентно отреагировала на эти попытки тем, что реально монетизация льгот не пошла. Но однако же решение все равно осталось за властью, как и выбор того, как и что делать.

По мнению В.Л. Римского, переход России от советского к постсоветскому политическому режиму по различным причинам не сопровождался развитием сильного гражданского общества и добровольным принятием обязательств строгого и точного соблюдения норм законодательства как гражданами, так и чиновниками федерального, регионального и местного уровней.

Эту ситуацию Римский интерпретирует следующим образом. В России профессиональные политики и государственные деятели в отсутствие сильного давления со стороны граждан во многом сумели снять с себя ответственность за решение важнейших общественных и экономических проблем. В их понимании политикой является исключительно борьба за власть и ее удержание, поэтому от гражданского общества они ожидают исключительно легитимации своей власти.

Сами граждане не в состоянии предложить решения социальных проблем на профессиональном уровне, позволяющем им конкурировать с предложениями чиновников при разработке и реализации социальной политики. Если же такие предложения со стороны экспертов гражданских организаций появляются,

то, как правило, их авторы обвиняются в непрофессионализме, слабой информированности о тех или иных показателях социальной сферы или содержании тех или иных документов, а также о том, что уже принятые решения способны существенно изменить ситуацию [*Римский* 2006, с. 92].

Что же происходит с социальной политикой в условиях преобладания вертикального социального контракта?

Вследствие слабости лоббирования со стороны гражданского общества и незаинтересованности органов государственной власти в решении реальных общественных проблем социальная политика оказалась дискредитирована. Причем не просто социальная политика как направление внутривластной деятельности государства, но как сфера социального реформирования, каковой социальная политика должна была стать в переходный период в России.

Любопытной представляется мысль Римского о том, что «именно государственные службы, их руководители и представители чаще всего и становятся производителями “социальных проблем”, решение которых сами же потом и предлагают... Именно государство обращает внимание граждан на... “социальные проблемы”, именно оно формулирует их сущность и содержание, определяет социальные группы, для которых эти проблемы необходимо решать. Затем оно обращается к профессиональному сообществу экспертов для обоснования постановок таких проблем и вариантов их решений. Именно после того, как та или иная государственная проблема признается “социальной” теми или иными государственными инстанциями, признается необходимость затрат общественных ресурсов на ее решение, обоснование соответствующего финансирования, материального обеспечения, правового регулирования и т. п.» [Там же, с. 92–93].

В учебнике «Социальная политика» (2004) я и мой соавтор С.Н. Смирнов, рассуждая о социальной стабильности как приоритете общественного развития, утверждали, что политика властных структур общества, направленная на сохранение социальной стабильности, – это политика, основанная на постоянных компромиссах между интересами различных групп общества. В качестве основной модели поддержания социальной стабильности мы рассматривали экономическую модель, предполагающую создание систем экономического стимулирования населения, доходы которого позволяют относить их к среднему классу, а также социальной поддержки низкодоходных групп.

Следовательно, решая проблему сохранения социальной стабильности, общество должно проплыть между Сциллой уравнительности и Харибдой накопительства, добываясь рационального распределения ресурсов для достижения, с одной стороны, целей социальной поддержки экономически слабой части своих членов и, с другой стороны, целей развития общества в целом, которое обеспечивается в основном экономически сильными его членами [*Смирнов, Сидорина* 2004].

Сегодня в контексте социальных трансформаций, происходящих в России в последние два года, очевидна явная этатистская окраска подобных рассуждений. Говоря о социальной стабильности, основной механизм ее поддержания мы видели в экономической сфере, упуская (или недооценивая) возможности воздействия различных групп общества как элементов гражданского общества в условиях социального контракта.

Мы предлагали следующую таблицу распределения интересов и форм влияния основных групп населения, в том числе в вопросе решения социальных проблем.

Таблица 1. **Интересы основных групп населения и их требования к обществу**

| Группа населения по уровню доходов | Основные требования к обществу | Формы давления на общество |
|------------------------------------|---|--|
| Богатые | Защита прав собственности, личной безопасности | Участие во властных структурах, лоббирование своих экономических интересов и систем амортизаторов социальной стабильности |
| Средний класс | Развитие эффективных по уровню оплаты труда рабочих мест, поддержание условий для развития предпринимательской деятельности, защита прав собственности, сохранение экономической и социальной независимости | Участие в общественно-политических движениях и партиях, защищающих интересы среднего класса, активная гражданская позиция, инициирование разработки законопроектов |
| Малообеспеченные | Повышение уровня социальных гарантий (в области оплаты труда, социальной поддержки), сохранение бесплатности базовых социальных услуг | Участие в акциях маргинальных общественно-политических движений и партий |
| Маргиналы | Возможности удовлетворения базовых физиологических (питание) и частично – иных материальных потребностей (примитивное жилье) | Отсутствуют |

Источник: [Смирнов, Сидорина 2004]

Налицо явное отсутствие реальных возможностей у численного большинства граждан добиваться осуществления собственных интересов. Жизнеспособными представляются (среди указанных) формы давления группы «богатых», что, в итоге, выводит нас на проблему «власти–собственности» и ее этакратический тренд в России последних лет. Что же касается таких форм воздействия, как «участие в общественно-политических движениях и партиях, защищающих интересы среднего класса, активная гражданская позиция, инициирование разработки законопроектов, участие в акциях маргинальных общественно-политических движений и партий», то в России они имеют формальный характер или практически отсутствуют.

Сложно представить себе участников названной деятельности, поскольку в ближайшем окружении они не наблюдаются (за исключением немногочисленных демонстрантов, иногда собирающихся в центре Москвы, или представителей среднего класса в образе кандидатов в депутаты различных выборных органов, которых мы видим на плакатах во время выборов, а потом благополучно о них забываем, возможно, в силу собственной малой общественно-политической активности либо малой активности и результативности деятельности этих депутатов). Серьезное недоумение и иронию вызывают такие формы воздействия, предположительно характерные для представителей среднего класса, как «активная

гражданская позиция, инициирование разработки законопроектов». «Активная гражданская позиция» дискредитировала себя в советское время наряду с «солидарностью», «интернационализмом» и многими другими элементами псевдогражданского социалистического дискурса. Относительно инициирования разработки законопроектов полагаю, что эта процедура пока не освоена российским средним классом, включая представителей его инновационных слоев. Россиян так долго приучали быть равными, что они, видимо, столь же долго и с удовольствием будут осваивать навыки богатой жизни в условиях неравенства.

Таким образом, очень многое говорит о том, что в России работает вертикальный социальный контракт, который является контрактом лишь в очень широком смысле слова. Соответственно и гражданское общество выстраивается такое, какое может выстроиться в условиях вертикального социального контракта. И я опять же не вижу общей стратегии или общего позитивного пути развития. НКО, ТСЖ, ДМС как проявления гражданского общества возникли не на российской почве. Создается впечатление, что Россия входит в капитализм и продолжает примерять западные модели к своей реальности, но примерять уже насильственно в рамках вертикального контракта. Ведь, например, ТСЖ явно отторгается российским населением, но насаждается повсеместно как элемент гражданского общества, прививаемый насильственным путем.

Не знаешь – научим, не хочешь – заставим: отношение населения к формированию ТСЖ³

Совсем недавно на одном из семинаров по вопросам перспектив социально-экономического развития России прозвучала реплика о том, что вот, дескать, российское крестьянство фактически насильно заставляли вступать в колхозы, а как потом все наладилось, да и люди привыкли. Ну, что тут скажешь? Разве только параллели с крепостной зависимостью проводить, цитируя стихи Некрасова о барине, который приедет и всех рассудит, вспоминая дворовых, которые никуда не могли пойти и не знали, что им делать, потому что не имели навыков самостоятельного существования.

История повторяется – россиянин все время должен осваивать новые жизненные условия. Теперь вот очередная напасть – ТСЖ.

Безусловно, все говорит в поддержку этого начинания как направления реформирования ЖКХ в России, которой в наследство от административно-командной системы СССР досталось неэффективное, убыточное, зарегулированное и монополизированное ЖКХ с «неподъемными» государственными обязательствами, отсутствием субъектов, заинтересованных в повышении его эффективности и отсутствием действенных механизмов стимулирования. Еще в начале 1990-х годов государственная власть продекларировала курс на развитие частной собственности, конкурентных отношений, рыночных механизмов хо-

³ Этот раздел написан Л.В. Костромой, аспирантом кафедры социально-экономических систем и социальной политики факультета экономики ГУ-ВШЭ. В 2004 г. Л.В. Кострома принимал участие в проведении исследования по вопросам формирования ТСЖ в России.

зяйствования, снижение издержек, отказ от затратного способа формирования тарифов, самоорганизацию населения для управления своим жилищным фондом, поэтапный переход на 100-процентную оплату коммунальных услуг населением при поддержании качества услуг в данной сфере и обеспечении социальных гарантий.

Развитие института ТСЖ как формы самоорганизации населения для управления и эксплуатации жилищным фондом является, по замыслу идеологов реформ, одной из основ реализации реформы ЖКХ. Одна из важнейших функций товариществ – создание многообразия спроса на коммунальные услуги, который, в свою очередь, стимулирует возникновение многообразия предложения и, как следствие, развитие конкуренции в сфере ЖКХ. ТСЖ призваны стать механизмом влияния на качество и стоимость услуг, контроля и распределения расходуемых ресурсов, привлечения средств населения в отрасль и его защиты. Товарищества должны сделать из населения полноправных акторов ЖКХ, увеличить его возможности и обязательства, поднять жильцов с микро- на мезо-уровень.

Интенции, безусловно, позитивные, и процесс формирования ТСЖ идет, однако каково отношение населения к проводимой реформе? Приведу несколько выдержек из материалов исследования формирования ТСЖ⁴.

Проведенные в рамках исследования интервью и групповые дискуссии показали, что значительная часть собственников жилья согласна с тем, что современная система ЖКХ находится в кризисе, который будет обостряться в будущем, когда при повышении тарифов и стоимости услуг качество обслуживания в ЖЭУ (ДЕЗах) останется низким. Участники групповых дискуссий убеждены в необходимости перемен в системе эксплуатации жилищного фонда и видят в создании ТСЖ вариант одного из выходов в создавшейся ситуации.

В то же время большинство населения относится к идее создания ТСЖ с недоверием. Часть респондентов воспринимают ее как утопию – *«идея хорошая, но недостижимая»* (мужчина, 47 лет, инженер). Другая часть объясняет свой пессимизм в отношении ТСЖ противодействием со стороны городской и районной администраций: *«Это обреченное начинание, как студенческие кооперативы. Администрация и района, и города ничего с этого не будет иметь... Они этого и не позволят»* (мужчина, 52 года, пенсионер).

В настоящее время большинство муниципальных домов находятся в критическом состоянии из-за того, что в них не проводился своевременный капитальный ремонт (некоторые из них не ремонтировались более 40 и даже 50 лет). Городские службы не могут обеспечить их нормальную эксплуатацию, именно поэтому (по мнению части участников, в том числе и участников ТСЖ) встал

⁴ Исследование проведено в рамках проекта, инициированного администрацией г. Казани и Мировым банком во второй половине 2004 г. Программа исследования, методические материалы и инструментарий разработаны Институтом социального маркетинга под руководством С.Р. Хайкина. Полевая часть исследования выполнена силами Фонда «Общественное мнение – Татарстан» под руководством А. Киселева. Проведены экспертные интервью с председателями ТСЖ, фокус-группы с председателями ТСЖ, с жителями новых домов и жителями старых домов, а также количественный опрос населения в Казани. Объем выборки составил 1 000 человек.

вопрос о передаче этих домов в ТСЖ. *«Головную боль муниципальные власти скидывают на председателей ТСЖ, чтобы у них самих голова не болела» (мужчина, 52 года, председатель ТСЖ).*

Понятно, что передача старого жилья в таком состоянии в управление ТСЖ была бы чрезвычайно обременительна (и с финансовой, и с организационной точки зрения) для проживающих в них жильцов, большинство из которых малообеспеченные люди. Отсюда вывод, который делают все участники фокус-групп, что переход к ТСЖ перспективен только для новых домов либо при условии приведения старых домов в надлежащее состояние (проведение капитального ремонта). При этом большинство аудитории полагают, что в старых домах ТСЖ создавать нерентабельно. *«Старые дома брать нельзя. Вот, например, лифты. У них срок гарантии эксплуатации – 25 лет. Все деньги на капитальный ремонт лифта отданы городу, а город скажет, что ничего не знает. Нужно решать вопрос с деньгами, которые копились, копились» (мужчина, 52 года, председатель).* *«Новый дом еще можно взять, но кто возьмет старый, тот будет самоубийцей» (мужчина, 47 лет, председатель).*

Также высказывались опасения, что ТСЖ – это «очередная смена вывески». Раньше были ЖЭУ, потом их упразднили и создали ДЕЗы, «потеряв» при этом накопленные на капитальный ремонт средства. Жильцы боятся, что сейчас при переходе из системы ДЕЗов в ТСЖ тоже не будет обеспечена финансовая «преемственность». Их отчисления на капитальный ремонт «уйдут в песок», и им придется ремонтировать старые дома за свой счет. *«Были ЖЭУ, их ликвидировали, появились ДЕЗы и ЖКО, заняли их помещения, получили их технику, но не признали себя их правопреемниками. Теперь ликвидировали ДЕЗы и сделали ТСЖ. Но за этот период пропали все деньги» (мужчина, 47 лет, председатель).*

Негативное восприятие ТСЖ населением связано с нежеланием платить больше, чем сейчас. Люди понимают, что качественные услуги и профессиональное управление домом должны соответственно высоко оплачиваться, но многие не имеют финансовой возможности выделить на это средства. При этом мало кто информирован о том, что в домах с ТСЖ жилищно-коммунальные платежи в среднем ниже общегородских за счет «целевых» трат и «прозрачности» расходов и доходов, тогда как в муниципальном жилье эти деньги «оседают на счетах администрации». Участники дискуссий высказывали опасения относительно необходимости делать ремонт в ТСЖ за счет жильцов. *«Многие небезосновательно думают, что надо будет со своих денег помимо квартплаты платить еще за работу бухгалтеру, руководителю и службам товарищества» (женщина, 47 лет, воспитатель).*

Другой проблемой является то, что *«не все собственники регулярно оплачивают счета» (мужчина, 26 лет, инженер)*, и многие жильцы переживают, что в ТСЖ им придется самим компенсировать эти неуплаты (которые будут разделены между реальными плательщиками). Аналогично отношение и к «льготникам»: часть респондентов полагает, что в ТСЖ будут отменены все государственные льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг и те, кто не имел скидок по их оплате, станут платить больше («за себя и частично за соседа»).

льготника»). *«Много льготников, за которых придется платить» (женщина, 55 лет, учитель).*

Люди в муниципальных домах привыкли либо терпеть свое бедственное положение, либо жаловаться в вышестоящие органы. Позиция собственника, который готов управлять своим имуществом, пока не сформирована. *«У меня квартира приватизирована, но я знаю, что мне какие-то услуги должны предоставлять бесплатно. Я одна, двое детей, сколько ни заработаю, денег все мало. Ну, и написала жалобу Шаймиеву, и вот они забежали, слесаря унитаза поменяли, сифоны, все трубы поменяли. Пусть бегают, и вам советую, все хорошо. В двух экземплярах объяснительная, с подписью, что они мне сделали, и никакие ТСЖ не нужны» (женщина, 58 лет, библиотекарь).*

Сами же жильцы называют опасения в отношении ТСЖ «психологией социализма», когда власти дискредитировали доверие населения, и все делалось для того, чтобы человек не был богатым. При этом не сформировался менталитет владельца жилья, который требует надлежащего качества услуг. Многие говорили о неготовности жильцов взять управление в свои руки. Им «проще» переплачивать за жилищно-коммунальные услуги, ругаться с ЖЭУ, по две недели ждать пьяного сантехника «дядю Васю» и платить ему дополнительно за оказание услуг (деньгами или спиртным). При этом психологически страшно оторваться от нынешней системы, которую они все критикуют, из-за опасения, что «будет хуже». *«Люди пенсионного возраста уже перестали верить властям. Молодежь пока еще не всегда задумывается, как сделать жизнь лучше, а самое главное – недоверие, люди уже устали ждать и верить во что-либо лучшее и в какие-либо изменения в лучшую сторону со стороны властей» (женщина, 45 лет, домохозяйка).*

Опасения вызывала проблема избрания председателя и правления ТСЖ, так как это должны быть профессионалы-универсалы, разбирающиеся в юриспруденции, финансах, строительстве, инженерно-технических вопросах, к тому же имеющие навыки административной работы.

Особого внимания заслуживает недостаточная информированность о новой форме управления. Те отрывки из федерального закона о ТСЖ, что печатались по инициативе администрации города на обороте счетов-фактур в течение трех месяцев, не привлекли к себе должного внимания жильцов. Некоторые говорили о том, что какие-то сюжеты «мелькали» на телевидении (чаще федеральном, чем местном). В целом все констатировали необходимость популяризации идеи ТСЖ, более полного его освещения (листовки в почтовые ящики, объявления у подъездов, телеинтервью с организовавшими у себя в доме ТСЖ жителями и т. д.).

В свою очередь массовый опрос населения позволил понять, что несмотря на весьма значительные усилия (по крайней мере, декларируемые) и федеральных, и муниципальных властей, стимулирующих домовладельцев объединяться в ТСЖ, уровень распространенности ТСЖ среди домохозяйств на момент исследования оставался достаточно низким. Лишь 3% домохозяйств заявило о том, что дома, в которых они проживают, организованы как ТСЖ. В то же время стоит отметить, что 10% опрошенных (причем не обычных респондентов, а тех, кто отвечает в данном домохозяйстве за оплату жилищно-коммунальных

услуг и взаимодействие с организациями, предоставляющими эти услуги) затруднились ответить на вопрос, организованы ли их дома как ТСЖ⁵.

Только 37% всех респондентов заявили о том, что до участия в опросе они знали, что такое ТСЖ; 15% респондентов сказали, что они обладали некоторой информацией о таких товариществах. 48% участников опроса заявили, что ничего не знают о ТСЖ⁶.

После того как участникам опроса объяснили, какие функции может выполнять ТСЖ в их жилом здании, 39% опрошенных заявили, что считают полезной организацию ТСЖ в их жилом здании, 29% не согласились с данным мнением, остальные затруднились с ответом на вопрос.

Как можно было бы объяснить отрицательную реакцию респондентов на создание ТСЖ? По результатам обсуждений в фокус-группах были составлены четыре возможных варианта объяснений нежелания самоорганизовываться в товарищества: «уровень бедности высокий, население не сможет платить», «жители старых домов не смогут платить», «нет доверия к соседям, живущим в этом же доме», «жителей домов будут заставлять создавать ТСЖ, все будет формально, население не согласится вносить плату за ТСЖ». Тех респондентов, которые не считали полезным преобразование их домов в товарищество, попросили выразить свое согласие/несогласие с каждым пунктом, включенным в список объяснений.

41% респондентов полагают, что их будут заставлять создавать ТСЖ и что население не согласится вносить плату за ТСЖ. Реакция горожан, проживающих в домах, находящихся в удовлетворительном состоянии, отличалась от реакции горожан, проживающих в домах, техническое состояние которых неудовлетворительно (если среди первых согласных с этим мнением было 34%, то среди вторых – 43%).

Около одной четверти респондентов согласились с тем, что «жители старых жилых зданий не смогут платить» (такой ответ характерен в первую очередь для жителей старых домов и тех домов, чье техническое состояние жильцы оценивают как неудовлетворительное). Одна четверть респондентов согласилась с тем, что «уровень бедности высокий, население не сможет платить». Также одна четверть опрошенных признала причиной своего нежелания создавать товарищество «отсутствие доверия к соседям, живущим в этом же доме».

Довольно неожиданным и тревожным оказался результат ответа на вопрос о готовности принимать решения по управлению домом совместно с другими жителями данного здания в случае создания ТСЖ: 38% респондентов ответили на это предложение положительно, а 46% – отрицательно. Ситуация, в которой

⁵ Данный факт, с одной стороны, может свидетельствовать о недостаточной информационной поддержке, нехватке разъяснений и объяснений сути ТСЖ. С другой стороны, подобный высокий уровень неосведомленности относительно организационно-правовой формы взаимодействия с поставщиками жилищно-коммунальных услуг говорит об уровне правовой культуры респондентов, об их слабой заинтересованности в построении отношений с обслуживающими их дома организациями.

⁶ Можно предположить, что среди населения в целом доля тех, кто ничего не знает о ТСЖ, существенно выше, чем в рассматриваемой выборочной совокупности.

большая часть населения не желает участвовать в управлении собственным домом даже в случае гипотетического образования товарищества, говорит о том, что население пока еще не готово взять на себя ответственность за свой дом и его функционирование.

Возможна ли многосубъектная социальная политика в отсутствии гражданского общества?

Так все же стала ли социальная политика в России многосубъектной? Этот вопрос изучался в Международном социологическом исследовании 1995–1997 гг., он же сквозной нитью проходит через монографию «Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств» (М.: ГУ ВШЭ, 2004).

Во второй половине 1990-х годов мы предполагали, что в условиях коренных социально-экономических трансформаций в России роль новых субъектов социальной политики рыночного и гражданского общества должны взять на себя политики, директора предприятий, профсоюзные лидеры, руководители органов местного управления и т. д. Нет, не они стали реальными акторами социальной политики 2000-х годов, не они стали партнерами государства, продолжающего оставаться монопольным субъектом социальной политики. Реальных акторов сегодня ДВА – государство и человек. Человек как актер на поле социальной политики, как партнер государства в тяжелой борьбе за простое человеческое выживание.

Полагаю, что разговор об альтернативной социальной политике в нашей стране пока преждевременен. И хотя в течение последних двух-трех лет много писали о социальной ответственности бизнеса, о перспективах и успехах благотворительности (был объявлен даже год благотворительности), но реально основным субъектом социальной политики продолжает оставаться государство. При этом в условиях сокращения его социальных обязательств никто другой, кроме самого человека, эти обязательства на себя взять не может. Тем самым именно отдельный человек – россиянин – в нынешних условиях вынужденно становится вторым по значимости субъектом социальной политики.

Поэтому если говорить о характере социальной политики в современной России, то характер этой политики таков, каким делают его условия вертикального контракта. Объявляя себя социальным и демократическим, государство поднимает планку социальной ответственности рядового члена общества столь высоко, что последний просто физически не может участвовать в процессе социального «реформирования и партнерства». Рядовой гражданин не может участвовать в ипотечном кредитовании на предлагаемых кабальных условиях⁷, не может оплатить полис медицинского страхования в приличной поликлинике, оплатить более или менее серьезную медицинскую операцию, учебу детей в солидном вузе (даже на этапе подготовки к поступлению) и т. д. Да, рыночные процессы идут, но рамочные условия и формат их таковы, что далеко не все могут принять в них активное участие. Как говорится, рады бы в рай, да грехи не пускают!

⁷ Для сопоставления – ипотечное кредитование во времена Нового курса в США составляло 3%.

А отсюда (в частности) пассивность значительной части населения в политической жизни, пролонгация иждивенческих настроений (как проявление неспособности существовать в условиях навязанной субсидиарности). В результате, социальная политика (а также выбор пути) в полном соответствии с условиями вертикального контракта проводится не на основании референдума, а в соответствии с высочайшим повелением или указом.

Литература

- Аузан А.А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Н. Маркова, Н. Мэннинг, Т. Сидорина; Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
Государство и общество в период непопулярных реформ и модернизации: межстрановой анализ (материалы круглого стола) // Мир России. 2006. № 4.
Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
Лексин В.Н. Пространство власти и мир человека // Мир России. 2005. № 3.
Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2.
Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.
Мизес Л. фон. Предисловие к работе «Либерализм в классической традиции» (1985).
Пастухов В.Б. Новый формат социальной политики в России // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
Римский В.Л. Социальная политика как метод решения социальных проблем // Общественные науки и современность. 2006. № 5.
Роик В.Д. Социальное государство и гражданское общество // Человек и труд. 1996. № 11.
Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М.: ГУ ВШЭ, 2004.